

37. Ibidem.
38. Мериме П. Указ. соч. С. 17.
39. Lettres interceptees... P. 270.
40. Стендаль. Записная книжка. С. 101.
41. Stendhal. Correspondance. P. 113.
42. Ibidem.
43. Ibidem.
44. Мериме П. Указ. соч. С. 22.
45. Стендаль. Жизнеописания Гайдна, Моцарта и Метастазियो. М., 1988. С. 187.
46. Stendhal. Journal. P. 117.
47. Ibid. P. 118.
48. Berthier P. Stendhal journaliste anglais. P., 2001. P. 129.
49. Стендаль. Записная книжка. С. 102.
50. Stendhal. Correspondance. P. 98.
51. Стендаль. Пармская обитель. М., 1981. С. 58.

Alyona A. Postnikova

Postnikova Alyona, postgraduate student of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail:
alyonapostnikova87@yandex.ru

Russian campaign in 1812: in the footsteps of Stendhal

The author considers the period of life of Stendhal associated with the Russian campaign of Napoleon in 1812. The author examines reasons for Stendhal take part in the Russian campaign. The author examines basic episodes in the life of the writer associated with the campaign "Grand Army " in Russia. The article also examines the perception of French writer alien country. The author traces how the experience of war with Russia influenced the formation of Stendhal as a great writer.

Keywords: Stendhal, Russian campaign of Napoleon in 1812, letters of Stendhal, Berezina.

В.Н. Земцов

Земцов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); доктор исторических наук, профессор.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@vandex.ru.

АЛМАЗ И МЩЕНИЕ: ДЮМА-ОТЕЦ, НАПОЛЕОН И ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ

В статье на примере романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо» и подлинной истории, произошедшей с сапожником-подмастерьем Ф. Пико и ставшей исторической основой для беллетристического произведения, автор поднимает проблему воздействия на историческую память научных и литературных произведений. Дюма, перенеся подлинные события из эпохи Наполеона во времена Июльской монархии, не только внес значительный вклад в ослабление и ликвидацию режима Луи-Филиппа, но и в создание устойчивого исторического образа Франции 1830-1840-х гг. XIX в.

Ключевые слова: деспотия Наполеона I, Июльская монархия во Франции; роман «Граф Монте-Кристо»; историческая наука и историческая беллетристика.

«Миф – это подлинная история – более подлинная, чем то, что произошло в действительности...» – так написал о романах А. Дюма-отца французский литературовед Ж. Молино (1). С этим замечанием нельзя не согласиться. Именно романы Дюма (в том числе и через кинематограф), но не творения историков на протяжении многих лет и десятилетий определяют образы прошедших эпох в сознании миллионов людей всего мира. При этом многие читатели знают, что д'Артаньян, Людовик XIII и кардинал Ришелье существовали в действительности, что жил великий творец Бенвенуто Челлини, который в самом деле бежал из замка Св. Ангела, что есть у входа в Старый порт Марселя замок Иф, в котором томились узники, а недалеко от берегов Корсики возвышается над поверхностью моря остров Монтекристо... Эти знания, кажется, подтверждающие подлинность описанных Дюма событий, придают страницам его романов еще большую достоверность и убедительность (2). И только немногочисленные историки, голос которых очень слабо слышен, берут на себя, в сущности, бесполезную задачу отделить правду от вымысла, при этом сами зачастую не до конца уверенные в собственных выводах. Единственный рациональный результат их усилий сводится к осознанию того, как, почему и ради чего гениальный творец, осмыслив реальность, создал миф, а еще точнее – преобразовал миф, уже существовавший ранее, в миф, востребованный насущными обстоятельствами дня. Движимые исключительно этими

скромными задачами. мы и решились обратиться к обстоятельствам рождения гениального романа «Граф Монте-Кристо».

«Двадцать седьмого февраля 1815 года дозорный Нотр-Дам де-ла-Гард дал знать о приближении трехмачтового корабля “Фараон”, идущего из Смирны. Триеста и Неаполя». – так начинается этот восхитительный роман (3). Действительно. на высокой горе, возвышающейся над Марселем, в те годы была церковь (на ее месте во второй половине XIX в. возведут величественный собор), с которой было удобно наблюдать за приближающимися к порту (теперь он называется Старый порт) корабли. Но для любого француза, который открыл выпуск «Журналь де Деба» от 28 августа 1844 г., в котором главками начал печататься роман-фельетон «Граф Монте-Кристо», было еще и понятно, что речь здесь идет о самом кануне высадки бывшего императора Наполеона с о. Эльба и начале знаменитых «100 дней». Этими бурными событиями 1815 г. окончательно завершалась великая эпоха Наполеона и начиналось время Реставрации и Июльской монархии, время, в котором жил и Дюма, и его читатели. Дюма, фактически впервые для себя, писал о современности!

В отечественной историографии вплоть до 2-й половины 1980-х гг. эта эпоха никогда серьезно не изучалась. Только в последние два десятилетия появились работы (4), в которых исследователи попытались учесть оживленные споры французских авторов, ведущиеся на протяжении почти полутора сотен лет. Суть этих споров кратко можно представить так (5). Вплоть до середины XX в., начиная с публикации фундаментального труда П. Тюро-Данжена «История Июльской монархии», вышедшего в конце XIX в., эпоха характеризовалась как господство денежной аристократии, основанное на системе личного управления короля. Хотя авторы и отмечали рост благосостояния и процветание Франции, но указывали и на наличие серьезных социальных противоречий, обусловленных ориентацией власти исключительно на интересы богатой буржуазии. Особое внимание историки уделяли личности и деятельности крупнейшего историка Ф. Гизо, ставшего с 1840 г. во главе правительства. «Я не знаю, – писал исследователь И. Лука-Дюбретон, – чему больше поражаться: его красноречию, его культуре или его нечувствительности к проблемам своего времени». Историк-доктринер, губящий Францию, – так воспринимали деятельность Гизо многие думающие французы в годы, когда начал выходить роман А. Дюма, и когда приближалась буря революции 1848 г.

В 1960-е гг. во французской историографии поднялась «ревизионистская волна». В работах Р. Ремона, а затем и других авторов был провозглашен иной подход к характеристике социального состава правящей элиты (которая, кстати, была столь ярко изображена в романе

Дюма). По мнению историков-ревизионистов, это не было «царством банкиров и крупной буржуазии», которые очень слабо были представлены в парламенте. Скорее, как утверждали историки, политическая власть была в руках «гомогенной категории граждан», однородность которой основывалась на идентичности рода занятий и культурного уровня. Но не равенстве экономических условий.

Более мягкий, чем это было ранее, наметился подход и к личности Гизо. Признавая антидемократизм Гизо, французские историки стали уверять, что политические структуры 1830–1840-х гг. все же стали наброском современных Франции конца XX в. демократических институтов. Но и эти оценки, появившиеся в последние десятилетия, в свою очередь также продолжают оспариваться... И над всеми этими, порою бурными дебатами, сопровождающимися выходом обширных, великолепно фундированных трудов, непоколебимо возвышаются портреты банкира Данглара, генерала графа де Морсер (Фернана Монтего), королевского прокурора маркиза де Сен-Моран (Жерара де Вильфора), воплотившие в сознании миллионов читателей и зрителей разных стран образ Июльской монархии!

Вспомним несколько зарисовок из романа Дюма. Вот, к примеру, как описал Альбер де Морсер в ответ на вопрос графа Монте-Кристо одного из пэров тогдашней Франции:

« – Это коллега моего отца. Недавно он горячо выступал против того, чтобы членам Палаты пэров был присвоен мундир. Его речь по этому вопросу имела большой успех; он был не в ладах с либеральной прессой, но этот благородный протест против намерений двора примирил его с ней. Говорят, его назначат послом.

– А в чем состоят его права на пэрство?

– Он написал две-три комических оперы, имеет пять-шесть акций газеты "Век" и пять или шесть лет голосовал за министерство» (6).

Не правда ли, впечатляющая характеристика политика?

А вот пассаж о роли «денежных мешков». Альбер де Морсер, беседуя с бароном Дангларом, говорит, что тот, если бы пожертвовал баронским титулом, все равно остался бы миллионером.

« – Это, по-моему, наилучший титул при июльской монархии. – возразил Данглар» (7).

Наконец, вот характеристика военных, которые любили напомнить о своей тяжелой и благородной доле честного солдата:

« – Полноте, – сказал Монте-Кристо с тем же убийственным хладнокровием, – что вы говорите! Разве вы не тот самый солдат Фернан, который дезертировал накануне сражения при Ватерлоо? Разве вы не тот самый поручик Фернан, который служил проводником и шпионом французской армии в Испании? Разве вы не тот самый полковник

Фернан, который предал, продал, убил своего благодетеля Али? И разве все эти Фернаны, вместе взятые, не обратились в генерал-лейтенанта графа де Морсер, пэра Франции?» (8).

Характеристики убийственные. Таковы были в глазах Дюма те, кто процветал в годы Июльской монархии.

Совсем иными были выведены образы тех, кто остался в славном прошлом – люди Первой империи, прошедшие вначале тяжкий путь революционера 1793 г., затем присягнувшие тому, кто воплотил в себе честь и величие Франции – Наполеону, и оказавшиеся за бортом жизни, но не сломленные, при новых правителях. Таким был в романе Дюма Нуартье де Вильфор, жирондист 1793 г., сенатор 1806 г., благородный борец с предателями в 1815 г., любящий дед, честный и сильный человек во все последующие годы.

Но ведь в подлинной истории, которую Дюма и его соавтор О. Маке взяли за основу фабулы, было не так! Там, в настоящей жизни, вопиющий произвол, презрение к человеку и его достоинству исходили как раз от Великого Наполеона! Напомним эту подлинную историю, обычно известную под названием «Алмаз и мщение» (9).

Итак, в феврале 1807 г. сапожный подмастерье Франсуа Пико (Picaud), молодой и красивый малый 27 лет, родом из Нима, зашел к своим землякам, которые частенько собирались в кабачке возле площади Сен-Оппотьон. Этот кабачок содержал также бывший житель Нима Матье Лупиан (Lourian). Лупиан был уже не так молод, в отличие от Пико, и был вдовцом с двумя детьми. В кабачке сидело еще трое знакомых, также уроженцев Юга из департамента Гар.

Все они обратили внимание на сияющий вид своего юного земляка Пико, который с радостью и с некоторым вызовом сообщил о своей предстоящей женитьбе на Маргарите Вигору (Vigorous), красивой и богатой девушке, за которой давали 7 тыс. франков. Пико широким жестом пригласил всех на предстоящую церемонию в церкви Сен-Лё, а потом на танцы в Les Basquets de Vénus на улице Ур (Ours). Затем Пико распрощался, спеша в мэрию и к кюре (10).

Когда он ушел, Лупиан, снедаемый завистью, предложил своим землякам разыграть шутку – написать донос комиссару полиции, сообщив о том, что Пико – английский агент, и тогда бы последний, вместо веселой свадьбы, провел несколько дней в заключении. Из трех приятелей, к которым обратился кабачник, только один – Антуан Аллю (Allut) – запротестовал, говоря, что это дурная шутка, но его быстро засмеяли, уверяя, что ничего страшного не будет. Тем не менее, Аллю отказался участвовать в этом «розыгрыше» и покинул кабачок. Между тем трое приятелей в тот же день состряпали донос на Пико, для пущей

важности назвав его дворянином из Лангедока и уверяя, что он связан с восстанием в Ванде, осуществляя связь между Югом и Западом.

В ночь с 15 на 16 февраля полиция арестовала Пико, который с этого момента просто «исчез». Ни родители, ни друзья ничего не смогли узнать о его судьбе! Полицейский комиссар, которому Лупиан отнес донос, поспешил проявить рвение и немедленно представил бумагу самому министру полиции (11). Министр полиции, в свою очередь, распорядился как можно скорее арестовать Пико и хранить все в строжайшей тайне.

Здесь мы должны напомнить, что обычной практикой в эпоху Империи Наполеона было то, что министр полиции мог дать санкцию на арест и заключение любого человека, вне зависимости от его социального положения, чина и прочего, и без каких-либо очевидных доказательств его вины, если это касалось «государственной безопасности». Как правило, арестованные попадали в одну из 8 тюрем, находившихся в Венсенне, Ле Аме, замке Иф, Пьер-Шателе, Сомпоре, Ландскроуне, Фенестреле и Компьене.

Декретом Наполеона от 13 марта 1810 г. такая практика была даже узаконена. Единственной уступкой гуманизму стал объезд раз в год членами Государственного совета этих тюрем. Проверяющие должны были удостовериться в приемлемости условий содержания заключенных и занести их жалобы в специальный журнал. Как правило, эта процедура проходила в присутствии коменданта тюрьмы и никаких последствий для заключенных не имела.

Несчастный Пико, которому, как и Эдмону Дантессу, не сообщили, в чем же его обвиняют, не только оказался в заключении в далекой крепости Фенестрель, расположенной в пьемонтских Альпах, но еще и должен был, как особо опасный преступник, лишиться своего имени. Теперь он превратился в Жозефа Люше (Lucher).

Ж. Пеше, который рассказал публике о судьбе этого несчастного сапожника, не счел нужным останавливаться на описании условий его пребывания в течение 7 лет в Фенестреле. Поэтому нам пришлось самим попытаться это представить. Фенестрель, находящийся ныне на территории Италии, являет собой впечатляющий комплекс оборонительных сооружений, чем-то напоминающих Великую китайскую стену, оседавшую обширную горную местность. Построенный в течение конца XVII – XVIII вв., Фенестрель оказался хорошо приспособленным для содержания заключенных. В начале XIX в. заключенные пребывали, главным образом, в форте Сан Карло. Это массивное многоэтажное сооружение, которое и сегодня производит на посетителей сильное впечатление, имело 44 комнаты, превращенные в камеры.

Кардинал Бартоломео Пакка (1756–1844), вступивший под его своды 6 августа 1809 г. и проживший здесь 3,5 года, вспоминал, прежде всего, длинный, темный, освещавшийся только через одно окно коридор с очень низким потолком. С правой стороны были камеры, двери которых могли запирались железными цепями. Кардиналу отвели самое лучшее помещение, но и оно производило на него удручающее впечатление: потолок в некоторых местах был поврежден, стены были грязными и прокопченными, деревянный пол был наполовину прогнившим и попорченным крысиными лазами (12).

Кардинал Пакка находился в Фенестреле с августа 1809 по февраль 1813 г. Он оставил подробные воспоминания, впервые вышедшие в 1830 г., то есть в год смерти Пеше (13). Пребыванию автора в крепости была посвящена сотня страниц. В эти строки мы вчитывались с большим вниманием, стремясь уловить хотя бы малейший намек на пребывание там... нет, не Пико-Люше (кардинал Пакка, исполнявший должность секретаря папы Римского, был выше того, чтобы хотя бы даже замечать существование тех заключенных, которые были из числа простонародья), а некоего богатого священнослужителя из Милана. Дело в том, что Пико-Люше прислуживал этому миланцу столь самоотверженно, что тот, покинутый своими близкими, умирая в январе 1814 г., оставил ему огромное состояние, размещенное частью в банках Гамбурга и Англии, частью представлявшее собой ренту с имений в Италии, доходы с которых должен был выплачивать один амстердамский банкир, а частью – в виде золота и драгоценных камней, спрятанных в тайнике. По-видимому, в полицейском досье, которое использовал Пеше, имя этого высокопоставленного миланского священнослужителя названо не было. Мы попытались найти хотя бы намек на этого человека.

О ком только не упоминал кардинал Пакка на страницах своих мемуаров! Среди прочих оказался и российский подданный знаменитый граф Кассини (Cassini). Напомним, что Витторио-Мария-Джиокино (Виктор Иванович) Капицукки граф ди Кассини ди Страда (1754–1811), выходец из известной пьемонтской семьи, в молодые годы отправился в Россию и после встречи с Г.П. Потемкиным, в июне 1790 г. был принят на русскую службу. Он был послан Потемкиным в Варшаву с неким секретным поручением, претерпел там многие несчастья, наконец, был по требованию русского правительства освобожден и достойно награжден. В 1795 г. его назначили генеральным консулом, а в 1801 г. – поверенным в делах России в Риме. В 1809 г. он чем-то навлек на себя гнев Наполеона, был арестован в Падуе и отправлен в Фенестрель. Пакка свидетельствует, что Кассини, оказавшийся в крепости вскоре после кардинала, уже находился в плохом состоянии и в дальнейшем вплоть до своей смерти в 1811 г. непрерывно болел (14). Напомним, что Рос-

сия в те годы находилась в мире с Наполеоном, который, однако, вероломно хватал российских подданных, сажал их в тюрьмы и умертвлял.

По словам Пакка, в конце 1810 – начале 1811 гг. в сердца заключенных Фенестреля вселилась надежда на то, что Наполеон все же проявит несвойственное ему милосердие и объявит амнистию по случаю ожидавшегося рождения наследника престола. Но тщетно. 21 марта 1811 г. в 2 часа пополудни из Турина прибыл жандарм с известием о рождении Римского короля и с приказом дать в честь этого события салют. Но... «надежды рассеялись вместе с дымом артиллерийского салюта» (15).

Хотя некоторые заключенные, которые были приговорены к 5-летнему сроку, и освобождались, но вместо них прибывали другие, в том числе многочисленные священнослужители (16). Мы не исключаем, что среди тех, кого упоминает Пакка, мог быть тот самый миланский клирик, оставивший заключенному Пико-Люше огромное состояние. Однако в тексте ничто не указывает на то, что это мог быть именно он. В этой связи напомним, что Пакка покинул крепость в феврале 1813 г., а таинственный миланец скончался только через год – 4 января 1814 г. (17) Если исходить из замечания о том, что Пико-Люше прислуживал ему недолго (*a servi moins de domestique*), нельзя исключать, что Пакка его даже и не видел. Таким образом, даже предположительно назвать имя этого человека сегодня не представляется возможным.

Пико-Люше вышел из тюрьмы только в 1814 г. после падения Империи, просидев, таким образом, безвинно 7 лет! Хотя Пико-Люше теперь был богачом (мы опускаем то, как Пико-Люше удалось, объехав Милан, Амстердам, Гамбург и Лондон, вступить в права наследства), но жажда мщения терзала его сердце. Более того, он продолжал оставаться в невеселении и в отношении причин своего ареста.

15 февраля 1815 г., ровно через 8 лет после того как его схватила полиция, день в день, он вновь оказался в Париже. Пико-Люше узнал, что его невеста Маргарита два года ждала пропавшего жениха, но затем вышла замуж за Луциана, дело которого теперь процветало. Полагая возможным выведать обстоятельства произошедших в 1807 г. событий у Антуана Аллю, который возвратился в Ним, Пико-Люше покинул Париж и выехал в Марсель. По-видимому, в Марселе он взял карету и под именем аббата Бальдини (*Baldini*) отправился в Ним, к гостинице, которая была известна под названием «Люксембург».

Хотя Пико-Люше было тогда 34–35 лет, выглядел он значительно старше. Его внешность настолько изменилась, что было совершенно невозможно узнать в нем того жизнерадостного малого, который завоевал любовь красавицы Маргариты Вигору. Собрав сведения об Аллю, который был отягчен многочисленным семейством, «аббат Бальдини»

наконец-то встретился с ним лично. Он рассказал Аллю, что был заключен за «государственное преступление» в Неаполе в знаменитый замок дель Ово (по-французски – *château d’Euf*), где он в 1811 г. встретил человека примерно 30 лет, уроженца Нима. Пьера Пико (18). При этих словах Аллю вскрикнул и на вопрос «аббата Бальдини» сказал, что это был один из его хороших друзей. Тогда «аббат Бальдини» сообщил, что заключенный вручил ему алмаз стоимостью по меньшей мере в 50 тыс. франков (полученный им от одного англичанина) с настоятельной просьбой отдать его Аллю, если тот расскажет о причине ареста Пико. Сам же «аббат Бальдини», узнав имена людей, погубивших Пико, должен начертать их на могильной плите несчастного страдальца, чей прах покоится в Неаполе.

Не станем останавливаться на подробностях последующей сцены, когда все колебания Аллю были отмечены его супругой, вошедшей в этот момент в комнату и принявшей участие в разговоре. Этот реальный персонаж очень напоминает жену Кадрусса Карконту из романа Дюма. Аллю уступил и назвал имена Лупиана и его сообщников – Жерве Шобара (*Chaubard*) и Гийома Солари (*Solari*). Аллю и его жена получили этот алмаз и продали его ювелиру за приличную сумму. 4 месяца спустя они узнали, что ювелир перепродал алмаз одному турецкому купцу за 200 тыс. франков. Алчность захватила душу Аллю – он убил ювелира и вместе с женой бежал в Грецию.

Между тем Пико-Люше, на этот раз под именем Проспер, по рекомендации одной дамы поступил работать официантом (*compte garçon limonadier*) в кафе, которое содержал Лупиан. Жена Лупиана, Маргарита, бывшая когда-то невестой Пико, уловила в облике нового официанта что-то знакомое, но быстро отогнала от себя все подозрения, которые будили в ней давние воспоминания. К скрытой радости Пико-Проспера здесь же, в кафе у Лупиана, он увидел и двух других уроженцев Нима – Шобара и Солари. Вскоре тело Шобара было найдено на мосту Искусств (*pont des Arts*). На рукоятке ножа, которым он был заколот, красовалась надпись «Номер один». Вскоре после этого был отравлен пёс, охранявший кафе.

Как мы уже знаем, у Лупиана от первого брака была дочь, которой в ту пору исполнилось 16 лет, и она была красива как ангел. Некий богатый маркиз соблазнил ее, но, под нажимом Лупиана и его жены, дал согласие жениться. Лупиан был счастлив, брачная церемония состоялась, ожидался свадебный пир на 150 персон. В назначенный час гости стали съезжаться. Но «маркиз» не появился. Вместо этого Лупиан был извещен письмом, что по приказу короля «маркиз» должен был быть арестован. Чуть позже, когда был уже подан десерт, выяснилось, что

этот «маркиз» был просто-напросто беглым каторжником, который на этот раз просто сбежал от преследования.

Четыре дня спустя, в воскресенье, когда вся семья выехала на природу, дом, где размещалось кафе Лупиана, оказался охвачен огнем, причем с 9 точек сразу. Все сгорело. Друзья Лупиана отвернулись от него. Один только официант Проспер остался с его семьей. Он помог Лупиану открыть новое кафе на улице Сен-Антуан. Туда вновь стал заходить старый приятель Лупиана Солари, который, однако, вскоре был кем-то отравлен. Во время его похорон на черном сукне, покрывавшем гроб, все увидели листок бумаги, на котором были начертаны слова «Номер два».

Между тем несчастья продолжали преследовать Лупиана. Его сын от первого брака Эжен, связавшись с бандой воров, попался на краже и был приговорен к 20 годам тюрьмы. Прекрасная Маргарита, жена Лупиана, умерла. Сам Лупиан был в отчаянии. Именно в этот момент верный Проспер проявил готовность «помочь» семейству и «взять на себя содержание» мадемуазель Лупиан. И отец на это пошел.

Но Пико-Люше-Просперу и этого оказалось мало. Однажды вечером, когда Лупиан брел по аллее парка Тюильри, человек в маске предстал перед ним. Он заставил вспомнить Лупиана о совершенном им в 1807 г. преступлении и в нескольких фразах поведал ему о своей мести. Наконец, не давая жертве опомниться, Пико произнес:

– Теперь настал твой черед. Теперь номер три.

С этими словами Пико нанес своему обидчику удар ножом в сердце.

Совершив последний акт мести, Пико побрел к выходу из парка, когда чья-то железная рука схватила его. Он был оглушен, повален на землю, связан по рукам и ногам. Очнулся он в темном подвале. Его похитителем оказался Аллю, который мало-помалу выяснил, кто же были в действительности «аббат Бальдини» и «официант Проспер». Аллю приковал Пико к стене цепью и начал морить голодом и жаждой, требуя от него бешеной платы за хлеб и воду. Мучитель хотел таким образом получить все состояние Пико, которое он оценивал более чем в 16 млн! На следующий день Аллю установил «порядок» – он будет кормить Пико 2 раза в день и за каждый обед тот будет платить ему 26 тыс. франков.

Пико отказался. Постепенно он становился все более инертным, слабел физически и уже не мог произнести ни слова... В конечном итоге он лишился рассудка. В припадке бешенства и злобы Аллю заколол его. Оставив тело Пико в подвале, Аллю покинул Париж и бежал в Англию.

Много лет спустя, в 1828 г., перед смертью, Аллю поведал некоему французскому католическому клирику об этой истории. Более того, он продиктовал ему все детали тех событий и подписал каждую страницу. После смерти Аллю «l'abbé P...» отправил в парижскую полицию этот документ, предложив полицейским, между прочим, найти останки бедного Пико.

Почти невероятная и, одновременно, такая жизненная история! Имела ли она место на самом деле? И не могла ли она быть плодом воображения одного или нескольких людей?

Обратимся к фигуре Жака Пеше, от имени которого сей рассказ был опубликован в 1838 г. Жизнь этого человека оказалась примечательной. Родившийся в Париже в 1758 г., Пеше стал адвокатом. Вместе с аббатом Морелли, известным писателем и экономистом, составил «Словарь коммерции», участвовал в написании «Энциклопедии методики». Приглашенный к работе в администрацию вначале министра финансов Ш.А. Калонна, а затем Л.М.А. Ломени де Бриенна, он занимал там различные должности. В 1789 г., будучи членом парижского муниципалитета, Пеше сыграл заметную роль в событиях 14 июля. В новом муниципалитете, которым руководил знаменитый Ж.С. Байи, Пеше стал видной фигурой, занявшись организацией работы полиции. Этот опыт он изложил в двух томах «Словаря полиции», изданных в 1789 и 1791 гг. Будучи конституционным монархистом, Пеше в 1792 г. оказался в тюрьме, но выжил. В 1799–1800 гг. он публикует «Универсальный словарь торговой географии», а затем – в 1805 г. – «Топографическое и статистическое описание Франции». Благодаря этим трудам Пеше получает известность как крупный экономист и даже основатель статистики. В эпоху Империи и Реставрации он продолжает активную деятельность в качестве журналиста (редактирует «Газет де Франс» и «Меркурий») и, в особенности, в качестве архивиста, заняв пост хранителя архива полицейской префектуры. Пеше становится известен и как своего рода эксперт-криминалист, выпустив исследование о самоубийстве (эта работа привлечет в дальнейшем внимание молодого К. Маркса, который сделает ее перевод на немецкий язык и сопроводит его собственными пассажами (19)). Своего рода завершающей работой Пеше стали «Мемуары, извлеченные из архивов полиции» (1827). 28 сентября 1830 г. Пеше умер.

Обратившись к этим «Мемуарам», вышедшим в 1827 г., мы не смогли обнаружить в них той самой истории, которая стала известна как «Алмаз и мщение». Эта история оказалась опубликована только в 5-м томе посмертного 6-томного издания «Мемуаров» Пеше, вышедшем в 1838 г. Это издание было осуществлено бароном Э.Л. де Ламот-Лангон (1786–1864) на основе сохранившихся бумаг Пеше.

Таковы факты. И эти факты не могут не породить 5 предположений на предмет авторства знаменитой истории «Алмаз и мщение»:

1. Ее мог сочинить Ламот-Лангон. 2. Ее мог сочинить Пеше. 3. Ее мог сочинить «аббат П...». 4. Ее мог сочинить Аллю или человек, назвавшийся этим именем. 5. Ее мог сочинить еще кто-то, кого мы совсем не знаем (20).

Однако все эти сомнения вряд ли могли возникнуть в головах А. Дюма и его соавтора-поденщика О. Маке. Фабула «Алмаз и мщение» могла стать хорошей основой романа, действие которого должно было происходить в современной для авторов Франции и который должен был обличить отнюдь не произвол Первой империи, но продажность и ничтожество хозяев Июльской монархии.

Становление Июльской монархии происходило на фоне республиканских и пролетарских восстаний, многочисленных покушений на жизнь нового короля. Большую активность в эти годы стали проявлять и бонапартисты, совершившие попытки государственных переворотов в 1836 и в 1840 гг. Вообще же 1840 г. стал во многом поворотным. Только недавно – в 1839 г. – в Париже произошло восстание бланкистов, создавших «Общество времен года», как в 1840 г. состоялся очередной мятеж, подготовленный племянником Наполеона Ш.Л.Н. Бонапартом. Но и этого мало. Правительство А. Тьера, втянутое в восточные дела, не совсем удачно поддержало египетского пашу Мухаммеда Али против турецкого султана. Тьеру пришлось уйти в отставку и уступить руководство правительством Ф. Гизо, который будет оставаться у руководства страной вплоть до революции 1848 г. Гизо, раздраженный поведением прессы и разных «писак», которые высмеивали не только правительство, но и самого короля, развернул судебные преследования писательских и журналистских кругов.

Дюма, как демократ и республиканец, оказался в оппозиции к правительству. Он покидает Париж и едет в Италию. В 1841–1842 гг. писатель живет во Флоренции и часто посещает виллу Кварте, в которой живет в изгнании Жером Бонапарт, экс-король Вестфалии, брат покойного императора Наполеона. Дюма отнюдь не смущают королевские крови своих собеседников. Для него эти люди олицетворяли великую эпоху, которые были не сопоставимы с жалкими нуворищами современной ему Франции. Поэтому когда Жером предложил Дюма сопровождать его сына, 20-летнего Наполеона Жозефа Шарля Поля Бонапарта, которого называли принцем Наполеоном, а домашние – Плон-Плюном, в путешествие на о. Эльбу, место ссылки покойного императора, писатель согласился. Эта поездка, о которой рассказал сам Дюма в «Беседах», состоялась с 27 июня по 1 июля 1842 г.

Путешественники исходили Эльбу, а затем отправились поохотиться на соседний островок Пианозу, где в изобилии водились зайцы и куропатки. Во время охоты проводник указал Дюма и принцу Наполеону на соседний остров, живописную скалу, напоминающую по форме сахарную голову.

– Если ваши превосходительства соблаговолят посетить этот остров, они смогут там великолепно поохотиться.

– А как называется этот благословенный остров?

– Его называют островом Монтекристо.

Это имя очаровало Дюма.

– Монсеньор, – обратился он к принцу, – в память о нашем путешествии я назову «Монтекристо» один из романов, который когда-нибудь напишу (21).

Дюма очень хотелось побывать на этом острове, но не пришлось. Так как остров был ничейным, то, согласно тогдашним порядкам, по возвращении с него путешественникам пришлось бы пробыть несколько дней в карантине, что писателя совершенно не устраивало. Единственное, что удалось сделать, это обогнуть остров кругом на лодке и внимательно рассмотреть его берега.

По возвращении во Францию Дюма заключил с издателями М. Бстюном и Плоном договор о написании многотомного труда «Парижские путевые записки», в которых он намеревался углубиться в историю и археологию французской столицы. Но обстоятельства заставили изменить этот план. Дело в том, что публикация Эженом Сю «Парижских тайн», действие которых разворачивалось в современной ему Франции, и которые выходили в виде романа-фельетона, то есть по частям, тем самым интригуя читателей неожиданностью продолжения, вызвала большой резонанс и привела к небывалому коммерческому успеху. Вот тогда-то под нажимом издателей Дюма и его «негр» Маке, историк и библиофил, задумали небывалое по своей увлекательности произведение из «современной жизни».

Трудно определенно сказать, кто именно из двух соавторов первый обратил внимание на историю «Алмаз и мшеница», но, по-видимому, им был все же Огюст Маке, который в дальнейшем, представив черновую рукопись, будет оспаривать у Дюма в суде его права на авторство романа. Начиная с книжки «Journal des Debats» от 28 августа 1844 г. и заканчивая выпуском января 1846 г. это произведение в виде романа-фельетона вышло в свет.

Оно имело грандиозный, небывалый успех, который был вызван не только авантюристкой фабулой и сюжетом, не только яркими портретами человеческих пороков и добродетелей, но и, во многом, «актуальностью» картины современного для Дюма и его читателей французского

общества. Подлинные события, которые легли в основу фабулы и «кричавшие» о деспотизме Наполеона, но перенесенные силой писательского гения во времени, теперь обличали Июльскую монархию, а эпоха начала XIX в. наоборот представляла временем великих свершений и добродетелей. Поразительно, но и сама Июльская монархия, стремительно терявшая всякую опору, прибегла в эти годы к созданию культа Наполеона. Никто иной как Луи-Филипп приказал в 1840 г. возвратить во Францию тело покойного императора, устроив в этой связи небывалые по своему размаху и эмоциональному накалу траурные церемонии.

В 1848 г. Июльская монархия падет. Немалую роль в ее крахе сыграет величайший роман «Граф Монте-Кристо», в котором подлинные события прошлого, переиначенные силою писательского гения и превращенные в миф, окажутся сильнее той истории, которая была «настоящей».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Литвиненко Н.А. Романная тетралогия А. Дюма о Великой французской революции как модус мифа // Миф. Пастораль. Утопия. Литература в системе культуры. М., 1998. С. 72.
2. А. Дюма-отцу как историку посвящено немало исследований. Среди русскоязычных работ отметим статью Ф.Г. Рябова: Рябов Ф.Г. История в произведениях А. Дюма // Новая и новейшая история. 2003. № 1.
3. Дюма А. Граф Монте-Кристо. М., 1955. Т. 1. С. 3.
4. См. работы Е.И. Федосовой, З.М. Каштанова, Е.В. Киселева, и особенно – Н.П. Танышиной (Таньшина Н.П. Теория и практика французского либерализма. М., 2000; Она же. Луи Филипп Орлеанский // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 37-56).
5. Обзор сделан на основе: Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: дисс. доктора исторических наук. М., 2005.
6. Дюма Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 129.
7. Там же. С. 130.
8. Там же. С. 398.
9. Эта история множество раз воспроизводилась в литературе (Hamburg С. Polizeii-Geheimnisse. Stuttgart, 1865. Vol. 2; Ashton-Wolfe H. True Stories of Immortal Crimes. N.Y., 1931. P.19-33; Kovarik J. Hrabě Monte Christo a ti druzi: skutečne asudy romanovych hrdinů II. Trebič, 1998; Моруа А. Три Дюма. Часть 6. Гл. 1 (любое издание); Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. М., 1991. С. 461-463; и др.). Мы решили обратиться, что называется, к первоисточнику – документальному рассказу Жака Пеше. Вначале без особого труда мы обнаружили текст этого рассказа в «Ревю де Пари» за 1845 г. (Revue de Paris. Nouvelle Serie. Année 1845. Т. 11. November. Bruxelles, 1845. P. 199-215), а затем – в «Мемуарах, извлеченных из архива парижской полиции» за 1838 г., вышедших под авторством самого Пеше (Memoires tires des Archives de la Police de Paris. P., 1838. Т. 5. P. 197-228 // Bibliothèque nationale de France (<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k64>)). Именно в этом издании рассказ под названием «Алмаз и мщение» появился на свет впервые.
10. Как было установлено историками в дальнейшем, бракосочетание должно состояться во вторник 17 февраля 1807 г.
11. В тексте рассказа, опубликованном от имени Пеше, говорится о герцоге Ровиго, то есть А.Ж.М.Р. Савари, как о министре полиции. Но Савари, получивший титул герцога Ровиго только в следующем, 1808 г., стал министром полиции в 1810! До этого министр

ром полиции был Ж. Фуле. Единственным объяснением этой «неточности» может быть тот факт, что Савари действительно возглавлял особую полицию, которая должна была контролировать «официальную полицию» во главе с Фуле. Более того, именно Савари в те годы и «занимался» Вандеей.

12. Historical memoirs of Cardinal Pacca, Prime Minister to Pius VII, written by himself. L., 1850. Vol. 1. P. 282-286.

13. Pacca B. Memorie storiche... Pesaro, 1830. Т. 2.

14. Сын В.И. Кассини Павел Викторович (1797-1871) стал действительным статским советником и генеральным консулом в Триесте, затем – в Венеции, а его внук (Артур Павлович) – русским посланником в Китае. После революции в России потомки Кассини оказались за границей, и один из них – Олег Кассини (1913-2006) стал прославленным американским модельером, официальным дизайнером Жаклин Кеннеди.

15. Historical memoirs of Cardinal Pacca... P. 350-351.

16. Пакка среди прочих упоминает о некоем Marchese Giovanni Naro Patrizi, прибывшем в Фенестрель 28 декабря 1811 г. и переведенном чуть позже в замок *Иф*.

17. Mémoires tirés des Archives de la Police de Paris. P. 203.

18. Мы не можем сказать, почему в тексте Франсуа Пико превратился в Пьера Пико. Возможно, как это предлагает А. Моруа, Пико звали Пьер-Франсуа.

19. Одно из последних изданий: Marx K. Marx on Suicide. Psychosocial Issues. Chicago, Illinois, 1999.

20. Дабы хотя бы частично развеять сомнения, которые мы породили в головах лобезных читателей в отношении подлинности приведенной нами захватывающей истории, отметим, что ряд деталей, которые были найдены исследователями в дальнейшем, подтверждают правдивость того, что было опубликовано от имени Пелле в 1838 г.

21. Эта сцена описана по: Моруа А. Указ. соч. В сентябре 2010 г. на острове Корсика мы повстречались с одним итальянским семейством из Пизы, которое накануне попыталось посетить о. Монтекристо. Но они смогли побывать, подобно Дюма, только на о. Пианоза. На о. Монтекристо сейчас находится тщательно охраняемый итальянским правительством природный заповедник, посещение которого возможно только по специальному разрешению.

Vladimir N. Zemtsov

Zemtsov Vladimir, the Head of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@vandex.ru.

DIAMOND AND VENGEANCE: Dumas, Napoleon and the July Monarchy

The article on the basis of the novel Alexandre Dumas's "The Count of Monte Cristo" and the true history, which occurred with a shoemaker's apprentice, F. Pico and became the basis for the historical works of fiction, raises the issue of the impact on the historical memory of scientific and literary works. Dumas, transferring real events of the Napoleonic era in the time of the July Monarchy, not only made a significant contribution to

reducing and eliminating the regime of Louis-Philippe, but also in the creation of a sustainable historical image of France 1830-1840th of XIX century.

Keywords: despotism of Napoleon I, the July Monarchy in France; novel "The Count of Monte Cristo"; history and historical fiction.

Л.В. Светлова

Светлова Людмила Владимировна, соискатель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Телефон/Phone: +7 (908) 63-68-587. Электронная почта/E-mail: svetlovalv@vandex.ru.

ПОЕЗДКА АКАДЕМИКА В.П. БЕЗОБРАЗОВА НА УРАЛ В 1867 Г.: ИЗУЧЕНИЕ РЕАЛИЙ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ?

В статье рассматривается история поездки на Урал комиссии под руководством академика В. П. Безобразова, с целью представить анализ степени эффективности Уральского горного хозяйства. Результатом работы комиссии стал отчет Безобразова, опубликованный в 1868 г. в «Русском вестнике». Автор статьи анализирует причины появления данного отчета и характер выводов комиссии Безобразова.

Ключевые слова: В. П. Безобразов, горнозаводская промышленность Урала, И. П. Котляревский, инженер Севастьянов, приватизация.

В 60-х гг. XIX в. в среде промышленников, а также и в отечественной публицистике, уже не в первый раз был поднят вопрос о продаже казенных заводов в руки частных предпринимателей. Данная проблема остро встала на повестку дня в связи с кризисным состоянием горнозаводской промышленности на Урале. Для изучения ситуации непосредственно в казенных уральских округах в 1867 г. была направлена правительственная комиссия, главным членом которой стал статский советник академик В. П. Безобразов*. Свой отчет о поездке он изложил

* В.П. Безобразов (1828–1889) – видный русский экономист и географ, академик, преподаватель Александровского лицея, один из создателей политико-экономического комитета Русского географического общества. Сделал блестящую карьеру в Министерстве финансов и Министерстве государственных имуществ, с 1863 г. являлся действительным статским советником, а позже – тайным советником, в 1885 г. стал сенатором. Постоянный член комиссий по финансово-экономическим вопросам разных регионов страны.